

© 2020. А. Ю. Сорочан

Тверской государственной университет
г. Тверь, Россия

**Гостиницы, салоны, пансионы:
из комментария к «Отрывку дневника 1857 года»
Л. Н. Толстого**

«Отрывок дневника 1857 года» Л. Н. Толстого рассматривается в статье в контексте русской литературы путешествий. Соотнесение текста Толстого с русскими путешествиями 1840–1850-х гг. способствует выявлению закономерности в представлении Швейцарии. Специфика изображения этой страны позволяет описать идеологический фон толстовского текста и понять, как реальные впечатления и традиционный швейцарский код преломляются в «Отрывке». В текстах Н. М. Карамзина, Н. И. Греча и А. Г. Глаголева обнаруживаются сходные и в то же время отличные представления об этой стране. Рассматривается эволюция концепции природы и культуры на материале текстов, ранее не привлекавших внимания исследователей. Результатом становится уточнение имагологической модели травелога, когда чужое оказывается средством осмысления новых убеждений.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Н. И. Греч, А. Г. Глаголев, травелог, Швейцария, имагология.

Информация об авторе: Сорочан Александр Юрьевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1213-8499>, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», ул. Желябова, 33, 170000, г. Тверь, Россия
E-mail: bvelvet@yandex.ru

Дата поступления: 09.07.2020

Дата публикации: 11.09.2020

Для цитирования: Сорочан А. Ю. Гостиницы, салоны, пансионы: из комментария к «Отрывку дневника 1857 года» Л. Н. Толстого // Два века русской классики. Т. 2. № 3. С. 72–85. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-72-85>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. **Aleksandr Yu. Sorochan**
Tver State University
Tver, Russia

**Hotels, salons, guest houses:
from the commentary to the “Excerpt from of the Diary of 1857”
by Leo Tolstoy**

“Excerpt of the Diary of 1857” by Leo Tolstoy is considered in the article in the context of Russian travel literature. Correlation of Leo Tolstoy’s text with Russian travels of the 1840s — 1850s helps to identify patterns in the representation of Switzerland. The specificity of the image of this country makes it possible to describe the ideological background of Leo Tolstoy’s text and to understand how real impressions and the traditional Swiss code are refracted in the “Excerpt”. In the texts of Nikolay Karamzin, Nikolay Gretschev and Andrey Glagolev, there are similar and at the same time dissimilar ideas about this country. The evolution of the concept of nature and culture is considered on the basis of texts that have not previously attracted the attention of researchers. The result is a refinement of the imagological model of the travelogue, when someone’s opinion turns out to be a means of comprehending new beliefs.

Keywords: Leo Tolstoy, Nikolay Gretschev, Andrey Glagolev, travelogue, Switzerland, imagology.

Information about the author: Aleksandr Yu. Sorochan, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1213-8499>, DSc in Philology, Associate Professor, Tver State University, ul. Zhelyabova, 33, 170000, Tver, Russia

E-mail: bvelvet@yandex.ru

Received: July 09, 2020

Published: September 11, 2020

For citation: Sorochan A. Yu. Hotels, salons, guest houses: from the commentary to the “Excerpt from of the Diary of 1857” by L. N. Tolstoy. Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 3, pp. 72–85. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-72-85>

Наблюдения, представленные в настоящих заметках, весьма разнородны — и тем не менее взаимосвязаны. И начать стоит с общеизвестного: «В начале апреля 1857 года, после полуторамесячного пребывания в Париже, Толстой приехал в Швейцарию. Проведя две недели в Женеве, <...> он поселился в Кларане. В ближайших окрестностях Кларана проживало еще несколько русских семейств, с которыми у Льва Николаевича завязались дружеские отношения...» [Толстой 5: 316]. С 27 мая по 6 июня Толстой совершает путешествие (сначала пешком, потом — на дилижансе). Расширенный вариант дневниковых записей составил «путевые записки», более известные как «Отрывок дневника 1857 года».

Толстовское путешествие по Швейцарии достаточно подробно откомментировано — указан маршрут, установлены упоминаемые в тексте лица и реконструированы некоторые эпизоды, однако «литературный» фон произведения привлекал внимание исследователей в меньшей степени. Вместе с тем соотнесение текста Толстого с русскими путешествиями 1840–1850-х гг. позволяет выявить некие закономерности в изображении Швейцарии.

И начать, наверное, надо с этой традиции. В работах К. А. Степаняна и Н. Е. Меднис ставилась проблема «швейцарского интерпретационного кода» [Меднис; Степанян], основу которого исследователи небезосновательно видели в «Письмах русского путешественника». «Первоначально Швейцария изображалась не столько как культурное пространство, сколь как царство первозданной природы, аналог Земного Рая, идеальное место для формирования “естественного человека”. Уже я наслаждаюсь Швейцарию, милые друзья мои! Всякое дуновение ветерка проникает, кажется, в сердце мое и развеивает в нем чувство радости. Какие места! Какие места! Отъехав от Базеля версты две, я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна и готов был в восторге целовать землю. Счастливые швейцарцы! Всякий

ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному Богу?» — пишет Карамзин [Карамзин: 145]. Описание швейцарской идиллии отодвигает у Карамзина на второй, третий план все связанные с этой страной идеологические построения. Само политическое обретает у него характер идиллического. «Прелестная натура», «простота нравов», счастье, мир, покой, дети, песня, сельский труд, приветливость — вот элементы, изначально легшие в основание данного сегмента швейцарского интерпретационного кода, который у Карамзина наметился, но не сформировался вполне» [Меднис]. Параллельно разрабатывается романтическая интерпретация «швейцарского кода», заданная переводом «Шильонского узника», выполненным В. А. Жуковским. Впрочем, в дальнейшем Швейцария воспринимается как «перекресток европейских политических влияний», что в немалой степени связано с именем Герцена. Как видим, кодификации в основном связаны с текстами, выходящими за рамки литературы путешествий.

Теперь мы можем выйти за пределы общеизвестного. Толстой строит свой текст, начиная с описания русской и немецкой практичности, с облагораживающего влияния Швейцарии на всех гостей ее: «Я чувствовал, что все были настроены на один тон; это доказывали и ровные, мягкие походки, и нежно искательные звуки голосов, и слова тихой приязни, которые слышались со всех сторон. Удивительно спокойно гармоническое и христианское влияние здешней природы» [Толстой 5: 208]; «Нигде, как в Швейцарии, не заметно так резко пагубное влияние мундира. Действительно, вся военная обстановка как будто выдумана для того, чтобы из разумного и доброго создания — человека — сделать бессмысленного злого зверя» [Толстой 5: 210].

Вся система национальных представлений может быть сведена к единой и достаточно простой схеме: «На верхнем конце сидел тот самый седой чистовыбритый англичанин, который бывает везде, потом еще несколько островитян мужского и женского пола, потом скромные, пытающиеся быть общительными немцы и развязные русские и молчаливые неизвестные. За столом служили румяные миловидные швейцарки, с длинными костлявыми руками, и *m-me Votier*, в черном чепце...» [Толстой 5: 196]. В тексте можно отыскать немало примеров прямолинейно трактуемых национальных мотивировок [Сорочан

2002: 18–34]: «Может быть, это оттого, что я русской, но я люблю, просто люблю, глинистые, чуть засыхающие, еще мягкие желтые колеи дороги, особенно когда они в тени и на них есть следы копыт...» [Толстой 5: 197].

«Цивилизация исключает поэзию» — вот наиболее эффектный вывод Толстого; в Швейцарии, где цивилизация не вошла в полную силу, поэзия сохраняется. Однако же не стоит забывать и о других впечатлениях: «Я нигде не встречал такой уродливой идиотической старости рабочего класса, как в Швейцарии» [Толстой 5: 204]. Любопытно сравнить это уродство с описаниями «обыкновенного типа рабочих женщин», горничных, старух со свиньей и прочих персонажей. Подчас «цивилизованное» поведение или манера речи как раз свидетельствуют о низости и мелочности персонажа: «Говорил он по-французски с женевским акцентом, видимо, подделываясь под французский. Мне казалось, что это женевский или водской bourgeois. Это безжизненная, притворная, нелепо подражающая французам, презирающая рабочий класс швейцарцев и отвратительно корыстно мелочная порода людей» [Толстой 5: 211].

Можно ли согласиться с утверждением Н. Е. Меднис: «...этот вариант кодификации, руссоистский по сути, складывается в русской литературе вне текстуального влияния Руссо, ибо, как заметил в одном из швейцарских писем И. И. Козлову (от 27 января 1833 г.) Жуковский, “Руссо не перенес здешних картин в свой роман (“Юлия, или Новая Элоиза” — Н. М.); он ничего верно не выразил; ничего, что видишь здесь глазами, не находишь в его книге”. Действительно, для Руссо была важна природа вообще, вне пейзажной конкретики и географических привязок» [Меднис]? У Толстого все не так, увиденное глазами воспринимается иначе, чем вычитанное в книгах, но воспринимается то же. Не случайно Л. Н. Толстой — чуть ли не единственный писатель, который не восторгается красотами швейцарской природы, хотя им уже воздали должное многие путешественники (Карамзин, Анненков и др.)

При этом в письмах (например, в письме тетушке от 11 апреля 1857 г.) выражается иная позиция: «...невзирая на все удовольствия парижской жизни, на меня вдруг и без всякой причины напала необъяснимая тоска и <...> я решил теперь съездить на короткое время в Швейцарию, в Женеву. Я здесь три дня, но красота этого края и прелесть жизни в деревне, в окрестностях Женевы, так меня захватили,

что я думаю пробыть здесь дольше <...> Мне очень хорошо, спокойно здесь, среди прекрасной природы и в одиночестве» [Толстой 60: 175]; «...любуюсь природой, наблюдаю здешний свободный и милый народ и надеюсь, что все это мне долго не наскучит» [Толстой 60: 178].

А вот письмо от 1 мая Толстой не отправил: «Природа больше всего дает это высшее наслаждение жизни, забвение своей несносной персоны. Не слышишь, как живешь, нет ни прошедшего, ни будущего, только одно настоящее, как клубок плавно разматывается и исчезает» [Толстой 60: 178].

Но несмотря на все восторги, в «Отрывке» Толстого Швейцария — страна не крестьян, а салонов и гостиниц, и «любование» этой страной без «наблюдения» невозможно. А просвещение совершается именно в этих салонах, хотя затрагивает и народные массы. От интереса к просвещению один шаг до утверждения: «...любителям антиков, к которым и я принадлежу никто не мешает читать серьезно стихи и повести и серьезно толковать о них. Другое теперь нужно. Не нам нужно учиться, а нам нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко того, что мы знаем» [Толстой 60: 324]. Учить нужно крестьян, а не учиться у них — вот тогда и начнется истинное просвещение.

Мы можем отметить близость многих эпизодов толстовского путешествия к путевым заметкам первой половины XIX в. Специфика изображения Швейцарии (с учетом уже сложившейся к 50-м гг. традиции) позволяет описать и идеологический фон толстовского текста; и понять, как реальные впечатления и традиционный швейцарский код преломляются в «Отрывке».

Как пишет Дерек Офффорд, расцвет европейских травелогов связан с «вестернизацией русской социальной элиты и дальнейшим созданием вестернизированной интеллектуальной и культурной элиты (которая получила наименование «интеллигенция»), когда эти изменения вынудили русских задуматься об их собственной идентичности» [Offord: xxiv]; элемент вестернизации в тексте Толстого будет не вполне ясен, если мы не рассмотрим непосредственно предшествующие ему сочинения русских о Швейцарии.

Карамзинский текст, думается, нет нужды здесь характеризовать — а вот на другом путешествии, «Записках русского путешественника» Андрея Гавриловича Глаголева, стоит остановиться чуть подробнее. «Если не любовь к отечеству, по крайней мере тоска по родине оста-

ется еще одним из главных качеств швейцарцев. Я разделяю эти два чувства потому, что первой из них почитаю принадлежностью одних душ благородных и возвышенных, а последнее следствием только привязанности к месту рождения» [Глаголев 2: 54]. Как видим, никакое воздействие красот природы не гарантирует благородства души, идеал «естественного человека» подвергается сомнению, причем происходит это в тексте Глаголева весьма любопытно.

«Гувернерский» тон доктора Ж. скорее отпугивает от Швейцарии повествователя: «Если верить нашему панегиристу, эта сторона есть другой земной рай. Первенцем его был Вильгельм Телль, который не только не падал, но и никогда не спотыкался. Потомки его все без исключения праведники. Век их золотой, жизнь патриархальная, нравы пастушеские. Особенно отличаются они приветливостью, простосердечием, откровенностью. Права их — безусловное равенство и совершенное братство. Красноречивый панегирист, хваля таким образом свою отчизну, не пропускал случая унижать и бранить все прочие нации» [Глаголев 2: 56].

Впечатления Глаголева скорее негативного свойства — и они касаются состояния людей, а не природы. Именно Фрайбургский кантон дает Глаголеву наиболее важный материал по вопросу народного образования: «...устранить жителей кантона от влияния образованных соседей и в особенности от сообщества просвещенных иностранцев, посещающих Швейцарию» [Глаголев 2: 125]. Подробные рассуждения об отсутствии школ и собственных ученых должны подкрепить эту точку зрения. Столкновение французского и немецкого языков, сохранение в неприкосновенности многовековых традиций — то о чем подробно пишет Глаголев и что повторяется в тексте Толстого. Используется один и тот же прием национальной характеристики — англичанин, немец и француз посещают кантон и встречаются за одним столом. Политические рассуждения ведут к весьма серьезным выводам: «...они готовы свергнуть власть купцов и облобызать ярмо иезуитов. Вот достойные плоды того буйного и неограниченного своеволия, которое, под именем свободы, столько превозносят фанатики политические!» [Глаголев 2: 148]. Очень часты у Глаголева комплиментарные ссылки на Вольтера — с цитатами и рассуждениями. И основу повествования составляют описания гостиниц и пансионов — пейзажные зарисовки оказываются лишь связующими звеньями, как бы заполняют паузы между остановками в пути. Прелесть швейцарской природы, как

пишет Глаголев, сильно преувеличена. И школы, пансионы и «воспитательные учреждения» ничуть не менее интересны и занимательны, нежели водопады и озера.

Спокойствие и «разум» преобладают в швейцарских главах «Писем из-за границы» (1843) П. В. Анненкова: «Швейцария находится в сию минуту в каком-то судорожном состоянии... Я уже вижу отсюда, как вы испугались, какой ужас объял вас... Успокойтесь! Не можете себе представить, как находящиеся в судорожном состоянии швейцарцы славно едят здесь, как набиты ими все кафехаузы¹, какая музыка на озере, прогулки по восхитительным берегам его, пикеты и экарте во всех публичных залах» [Анненков: 38]. «Вольтер, Байрон и г-жа Сталь! Даже вискам больно от соединения этих имен! Впечатления на месте их жилищ весьма различны, столь же различны, как спокойная, холодная насмешка, позволяющая человеку наслаждаться всеми благами земли до глубокой старости, и кровная борьба с обществом, которой все принесено в жертву, или как различен от вышеупомянутого шум, поднятый ради оскорбленного тщеславица» [Анненков: 39].

Это своего рода подготовка к изображению Парижа с его бурями и литературными и политическими баталиями. Изображается одно, чтобы приблизить к пониманию другого.

Теперь вполне логично обратиться к сопоставлению «Отрывка...» с путевыми заметками Н. И. Греча, ставшими своего рода эталоном «европейских» путешествий в русской литературе того времени [Sorochan 2019].

Следует уточнить, что Николай Иванович Греч отправился в Европу в 1817 г., он был назначен почетным библиотекарем Императорской Публичной библиотеки, но почти тотчас же выехал за границу «для поправления здоровья», при этом «получил от начальства поручение осмотреть знаменитейшие библиотеки в чужих краях» [Греч 1855: 385]. Как видим, писатель совместил приятное с полезным. Но поездка была вынужденно краткой.

Итогом ее стала книга «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году», в которой никаких рассказов о библиотеках мы не обнаружим. Этот цикл писем к А. Е. Измайлову отражает антинаполеоновские настроения в период после 1812 г.; Греч наполнил свои письма выпадами против англичан и французов, вполне соответствовавшими «социальному заказу».

¹ Кафехауз (от нем. Kaffeehaus) — кафе.

«В ней обитает народ, славящийся трудолюбием, честностью, правдушием и верностью. В ней существуют еще добродетели времен патриархальных — изглаженные в иных землях излишним утончением нравов! (Для чего не остался я на левом берегу Рейна, чтоб утешатся этою приятною мечтою? Существенность меня *разочаровала!* Поздн. примечание)» [Греч 1855: 391].

Особенную пикантность книге придают рассуждения о том, что немцы говорят по-немецки «очень дурно» [Греч 1855: 395], неправильно, путешественник их не понимает, нуждается в переводчике и сетует на общую безграмотность и забитость поддавшихся французскому влиянию обитателей Германии (кстати, то же самое у Толстого — его герои не понимают крестьянского выговора и начинают рассуждать о темноте швейцарцев). И города немецкие автору не нравятся, и улицы — сравнительно с русскими ничего собой не представляют. В целом патриотический настрой создает основу восприятия и иных земель, и иных народов — здесь все просто и схематично.

Потомки оказываются недостойны столь значительного прошлого — и сожаления о былом величии Европы и о нынешнем превосходстве России занимают все больше места в «Путевых письмах» Греча, не вошедших в итоговое собрание сочинений. В 1839 г. появляются «Путевые письма из Германии, Франции и Италии». Следует отметить, что это отнюдь не развлекательный, а вполне деловой отчет; к книге приложено «Описание средних учебных заведений во Франции и Германии». Лето 1841 г. Греч провел в Германии и Италии, «Письма с дороги из Германии, Швейцарии и Италии», печатавшиеся в «Северной пчеле» и изданные отдельной книгой в 1843 г., основаны не только на свежих впечатлениях; у рачительного хозяина не пропали и старые наблюдения. Парадоксальная вещь — материал во всех случаях один и тот же, Греч не просто повторяет маршрут, он использует многие факты, оставшиеся за рамками еще текста 1817 г. «Искренние и благодарные жители» — все те же Шлецер, Мейер и другие. А Германия предстает идиллическим миром, в котором русскому нужен разве что путеводитель с указаниями цен в гостиницах и наилучших маршрутов; Швейцария — продолжение Германии, первый, с кем ищет здесь встречи повествователь, — это «известный немецкий писатель Генрих Цшокке» [Греч 1843: 1, 222] и поэт Броннер, бывший профессор Казанского университета. Именно в их домах, а не у крестьян, обнаружи-

вается «простая и счастливая жизнь»; «милые семейства» появляются не только под влиянием «прекрасной природы», необходимо и образование, и разум... Надо, кстати, отметить, что Греч первым из русских авторов указал, что Цшокке был сочинителем книги «Часы благоговения» (*Stunden der Andacht*, 1809–1816); книга находилась в библиотеке Достоевского, ее упоминал в своих дневниках Толстой [Толстой 46: 121, 126]. Этот автор у Греча представлен идеальным просветителем: «Цшокке достоин внимания и удивления, как отец и воспитатель своего семейства. Дети его люди почтенные, благородные и полезные. Старший служит членом законодательного сословия в кантоне Базеле, другой сельским пастором, третий медиком, четвертый адвокатом. Прочие готовятся к поступлению в университет. Первоначальное и гимназическое образование получили они непосредственно и исключительно от отца...» [Греч 1843: 2, 229].

И суждения о литературе, которые выражает Цшокке и с которыми соглашается автор, вполне просветительские (о Шиллере, о Жан-Поле и т.д.). Образование по-прежнему необходимо, но нужно учитывать и внешние влияния; как, например, в Цюрихе: «Число жителей умножилось. В городе основаны университет и другие новые учебные заведения. Но и здесь пагубное разногласие партий, враждебные их замыслы и происки произвели большие волнения, расстройств и несчастия» [Греч 1843: 2, 232].

Однако конкретные «несчастия» описываются сравнительно редко. Путешественник из патриота становится картографом, гидом, и оценки (если он и дает таковые) относятся к самым что ни на есть практическим обстоятельствам; а развернутые рассуждения относятся к немецкой литературе или подвигам Суворова, они излагаются попутно, для «просвещенного читателя». Другой мир стал знакомым, представители «иных» народностей — привычными спутниками, проблемы «иных» — понятными и важными уже «для себя».

Оценка Швейцарии «новой» вновь далека от восторженной, мы находим и мнения о глупости крестьян, и рассуждения о преступности, и порицания нравов, находящиеся в разительном контрасте с красотами природы: «В Швейцарии господствует какая-то угрюмость, заметна какая-то досадная скука; никто не доволен; всяк желает и ищет чего-то, но не того, чего добивается его сосед. Там не видать сельских плясок, не слышать музыки. Одна природа, величественная и непобеждаемая

мелкими страстями человека, красуется там в вечном своем достоинстве; она невольно влечет туда всякого странника, и указывает ему на памятники старинной славы, доблести и истинной свободы Швейцаров» [Греч 1843: 2, 265].

В 1853 г. еще один цикл писем Греча был напечатан в «Северной Пчеле», но в собрания сочинений эти тексты уже не включались, хотя в цикле интересно развито противопоставление «живой» Германии и «умирающей» Италии; Швейцария занимает промежуточное положение, жизнь здесь возможна — но очень часто идеальные устремления просветителя могут быть дискредитированы, как мы помним из анекдота, изложенного Гречем в «Записках»: «Случилось так еще, что король прусский сообщил ему <императору> догадку свою о существовании в Швейцарии центрального комитета для возмущения Европы. Александр спросил у Чаадаева, прибывшего из Петербурга с донесением о неприятном происшествии:

— Знаешь ли ты Греча?

— Знаю, ваше величество.

— Бывал ли он в Швейцарии?

— Был, сколько знаю, — отвечал Чаадаев по всей справедливости.

— Ну так теперь я вижу, — продолжал государь и прибавил: — Боюсь согрешить, а думаю, что Греч имел участие в семеновском бунте» [Греч 1930: 408].

Упоминаний о Грече нет в переписке Толстого — однако номера «Северной Пчелы» не могли не попадать ему в руки; а именно в «Северной Пчеле» печатались все путешествия Греча, позднее выходявшие отдельными изданиями; и образ Швейцарии как мира «гостиниц, салонов и пансионеров» — несомненно, связан с определяющейся традицией.

Изображение Швейцарии рядом с Францией (бунтующей) и Германией (благополучной) дает возможность ввести в травелоги важные для европейского Просвещения образы и сюжеты; Толстой пользуется этой возможностью. Здесь совсем не обязательно знакомство с конкретными текстами, хотя некоторые совпадения очень эффектны, скорее важно общее развитие русского травелога в первой половине XIX столетия — и незавершенный текст Толстого представляет собой закономерное следствие этого развития.

Сложно выстраивать прямые линии, которые связывали бы конкретные литературные имена; для полной реконструкции потребова-

лось бы привлечь еще полсотни текстов. Остается лишь пунктирно обозначить несколько вопросов.

Для Толстого исключительно актуально соотношение здоровья физического и духовного; но в его швейцарских дневниках мы находим сплошные жалобы на болезни, текст же «Отрывка» — апогей духовного здоровья. Вполне вероятно, что на автора путевых заметок повлияли многочисленные статьи на медицинские темы, связанные со Швейцарией; об этих публикациях «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения» мы уже писали в других работах [Сорочан 2014: 310–313].

Можно было бы вслед за комментаторами «Писем русского путешественника» порассуждать о политических аспектах «подмены», когда вместо революционной Франции изображается «тихая» Швейцария.

Но все это уводит в сторону от проблемы эволюции литературы путешествий и от трансформаций в этой литературе сюжетов, свойственных эпохе Просвещения. Для краткости можно сказать так: постепенное узнавание другого ведет к ассоциированию с ним, потом совершается попытка отделить себя от иного, позднее, по прошествии времени, если такая возможность сохраняется, иное становится камертоном, которым поверяются все новые и новые события и явления [Сорочан 2011: 400–402]. Но любая прямая линия, соединяющая несколько точек, неизбежно минует другие. И вы с легкостью сможете предложить иные варианты развития, которые в свою очередь подлежат корректировке.

Восторженное приятие совершенной природы у Карамзина (узнавание Швейцарии) ведет к сомнению в изначальном идеале. Совершенств природы мало для совершенства человека, нужно еще образование (здесь очевидно «разделение»). Данная позиция, выраженная Глаголевым, существенно корректируется в текстах Греча; нужно не просто просветить людей, но учесть национальные традиции и сформировать систему представлений, для чего потребно общественное обсуждение; швейцарские впечатления как раз и становятся средством проверки новых убеждений, чужое служит для постижения своего... А потом приходит черед Толстого.

Путешествие по Швейцарии дает Толстому материал для новой трактовки того, что можно назвать «просвещением», для новых вариаций на темы и Руссо, и Карамзина, и Глаголева, и Греча; впечатления от природы и от гостиниц и салонов сплетаются, обеспечивая представление уже не о естественном человеке, а о его развитии. Отсюда один шаг до

следующего размышления, сохранившегося в письме В. П. Боткину от 27 июня 1857 г.: «Одно есть — всемирный дух, проникающий в каждого из нас, как отдельную единицу, влагающий каждому бессознательное стремление к добру и отвращение к злу <...> вот только слушай этот голос чувств[а], совести инстинкта, ума, назовите его как хотите, только этот голос не ошибается» [Толстой 60: 214]. Но чтобы совершить этот решительный шаг, нужно проделать путь до Люцерна и «Люцерна»; а июнь еще не закончился, Толстой еще не уехал из Кларана... Дальше — не столько продолжение путешествия, сколько начало нового, ведущего к новым открытиям и связанного с другими именами и книгами.

Список литературы

- Анненков П. В. Парижские письма. Л.: Наука, 1983. 608 с.
- Глаголев А. Г. Записки русского путешественника, с 1823 по 1827 год: в 4 т. СПб.: Тип. императорской Российской Академии, 1837.
- Греч Н. И. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию // Греч Н. И. Сочинения: в 3 т. СПб.: в тип. Якова Трея, 1855. Т. 2. 288 с.
- Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.;Л.: Academia, 1930. 896 с.
- Греч Н. И. Письма с дороги из Германии, Швейцарии и Италии. СПб.: Тип. Н. Греча, 1843. Т. 1–3.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Наука, 1983. 717 с.
- Меднис Н. Е. Швейцария в художественной системе Достоевского (к проблеме формирования в русской литературе швейцарского интерпретационного кода) // Toronto Slavic Quarterly. 2004. № 1(11). URL:<http://sites.utoronto.ca/tsq/11/mednis11.shtml> (дата обращения: 04.07.2020).
- Сорочан А. Ю. Мотивировка в русском историческом романе 1830–1840-х гг. Тверь: ТвГУ, 2002. 120 с.
- Сорочан А. Ю. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Новое литературное обозрение. 2011. № 112. С. 379–402.
- Сорочан А. Ю. Французы в «Библиотеке»: «руссоизм» в русской журнальной словесности 1840–1850-х годов // Яснополянский сборник. XIV (1). Ясная Поляна, 2014. С. 309–318.
- Степанян К. А. Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 137–163.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.
- Offord Derek. Journeys to a Graveyard: Perceptions of Europe in Classical Russian Travel Writing. International Archives of the History of Ideas, no. 192. Dordrecht: Springer Verlag, 2005. xxvi, 287 pp.

Sorochan A. La diplomatie littéraire dans les Lettres de voyage de Nikolai Gretch // Les Intellectuels russes: À la conquête de l'opinion publique française. Paris: Press Sorbonne Nouvelle, 2019. P. 129–136.

References

Annenkov P. V. *Parizhskie pis'ma* [Paris letters]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 608 p. (In Russ.)

Glagolev A. G. *Zapiski russkogo puteshestvennika, s 1823 po 1827 god: v 4 t.* [Notes of a Russian traveler, from 1823 to 1827: in 4 vols.]. St. Petersburg, Tip. imperatorskoi Rossiiskoi Akademii Publ., 1837. (In Russ.)

Grech N. I. *Poezdka vo Frantsiiu, Germaniiu i Shveitsariiu* [Trip to France, Germany and Switzerland]. Grech N. I. *Sochineniia: v 3 t.* [Works in 3 vols.]. St. Petersburg, tip. Iakova Treia Publ., 1855, vol. 2, 288 p. (In Russ.)

Grech N. I. *Zapiski o moei zhizni* [Notes about my life]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930, 896 p. (In Russ.)

Grech N. I. *Pis'ma s dorogi iz Germanii, Shveitsarii i Italii* [Letters from the road from Germany, Switzerland and Italy]. St. Petersburg, Tip. N. Grecha Publ., 1843, vol. 1–3. (In Russ.)

Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters from a Russian traveler]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 717 p. (In Russ.)

Mednis N. E. *Shveitsariia v khudozhestvennoi sisteme Dostoievskogo (k probleme formirovaniia v russkoi literature shveitsarskogo interpretatsionnogo koda)* [Switzerland in the artistic system of Dostoevsky (on the problem of the formation of the Swiss interpretation code in Russian literature)]. Toronto Slavic Quarterly. 2004, no 1(11). URL:<http://sites.utoronto.ca/tsq/11/mednis11.shtml> (access date: 04.07.2020). (In Russ.)

Sorochan A. Iu. *Motivirovka v russkom istoricheskom romane 1830–1840-kh gg.* [Motivation in the Russian historical novel of the 1830–1840]. Tver', TvGU Publ., 2002, 120 p. (In Russ.)

Sorochan A. Iu. *Tuda i obratno: Novye issledovaniia literatury puteshestvii i metodologiiia gumanitarnoi nauki* [Round trip: New studies of travel literature and the humanities methodology] *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2011, № 112, pp. 379–402. (In Russ.)

Sorochan A. Iu. *Frantsuzy v "Biblioteke": "russoizm" v russkoi zhurnal'noi slovesnosti 1840–1850-kh godov* [The French in the "Library": "Russoism" in Russian journal literature of the 1840–1850] *Iasnopolianskii sbornik* [Yasnaya Polyana Collection], Issue XIV (1), Iasnaya Poliana, 2014, pp. 309–318. (In Russ.)

Stepanian K. A. *Iurodstvo i bezumie, smert' i voskresenie, bytie i nebytie v romane "Idiot"* [Foolishness and insanity, death and resurrection, being and nonexistence in the novel "Idiot"]. *Roman F. M. Dostoievskogo "Idiot": Sovremennoe sostoiianie izucheniiia* [Roman F. M. Dostoevsky "Idiot": Current state of study]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 137–163. (In Russ.)

Tolstoi L. N. *Poln. sobr. soch. v 90 t.* [Full collection of works in 90 vols.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)